

Давид и Авессалом

И был вечер, и было утро

«Библейский цикл» Марка Шагала на выставке в Музее современной истории России

Дмитрий СМОЛЕВ

Имя художника окружено многими легендами. Некоторые он создавал сам, в другие верил больше, чем окружающие. Известно, в частности, что Шагал придавал мистическое значение факту своей мертворожденности. Будто бы младенец явился на свет бездыханным и первый крик исторг в минуту, когда повитуха уже исчерпала все методы реанимации. Этим обстоятельством Марк Захарович объяснял свой жгучий интерес к теме начала и конца жизни, к божественной сути бытия. Он не отличался образцовой религиозностью, но в любой его работе, какими бы внешними причинами она ни диктовалась, всегда слышится гимн Создателю. Тем более когда речь идет о «Библейском цикле».

Серию иллюстраций к священным текстам заказал художнику в начале 1930-х знаменитый маршан и издатель Амбруаз Воллар. Со смертью заказчика работа прервалась, и

вернулся к ней Шагал уже через четверть века. Произведения, доставленные в Москву из немецкой Кунстгалерии Боттингерхаус, именовались организаторами то гравюрами, то офортами, то картинами, в действительности же выполнены в технике цветной литографии. Вероятно, путаница возникла из-за того самого хронологического разрыва: на начальном этапе работа над серией велась в офортной технике, но через годы мастер существенно изменил подход. Прежде всего ради цвета, надо полагать. Новая версия засияла сочными красками.

Менее всего это иллюстрации, какими задумывались когда-то тщательные гравюры Постава Доре. Для Шагала важен символический смысл описанных событий, будь то сотворение мира или злослучения Иова. Сюжеты здесь преподнесены по-шагаловски алогично и несколько даже наивно. Это прочтение Торы оставляет ощущение свежести, будто древняя книга только что попала в художнику

на глаза, он увлекся текстом и тут же взялся импровизировать. Но вспомним о строгих нравах в черте оседлости, об обязательном изучении священных текстов и запрете на изображение человека, чтобы оценить трудный путь автора к такой непосредственности.

Здесь немало загадочных образов вроде слитых воедино Адама и Евы или птиц с человеческими головами, однако не стоит переусложнять трактовки. Сам Шагал избегал комментировать свои работы — для сегодняшнего художника качество почти непредставимое. Так и заявлял попросту: дескать, нарисовал как умел и что чувствовал, а уж понимать извольте сами. Одни объясняли это кокетством, другие — манией величия, третьи — косноязычием и даже малой образованностью, но вообще-то позицию автора надо считать совершенно адекватной. Никто и никогда не отрицал поэтического характера его искусства, а ведь удачная изобразительная метафора всегда самодостаточна. Не-

зачем браться за краски, если можно обойтись словами — но и незачем говорить, если все уже сказано на холсте или бумаге. Творчество Шагала, пользуясь современной терминологией, следует признать антиконцептуальным, потому что оно не шифрованное. К нему нет ключа, ибо дверь и так распахнута.

«Мне кажется, что совершенство в искусстве и жизни достижимо, если прикинуть к этому библейскому источнику. Если же руководствоваться логикой и заниматься голым конструированием, то ни в искусстве, ни в жизни не дождаться плодов». Во многом из-за конфликта с тем самым «голым конструированием» Шагал в начале 20-х покинул Россию: хорошо известно о неприятии художником радикального авангарда, выступавшего тогда от имени государства, и о личной его вражде с Малевичем. Будущее часто работает на примирение, и сегодня шагаловское творчество не выглядит альтернативой супрематизму. Это просто отдельный мир, где

действуют все земные законы, но где горздо больше любви. Вернее, ее столько же, она лишь явлена в очищенном виде. В мечтах об общечеловеческом братстве Шагал не оригинален, однако мало кто умел придать этим мечтам зримую убедительность.

Сотворение мира

Русский курьер — 2004 — 26 янв. — с. 8

282

Шагал Марк

26.01.04